

частью. Здесь можно привести в пример произведения уже совсем недавние: сборник эссе Юрия Серебрянского «Книга о вкусной и здоровой казахстанской литературе» и книга «Батыр. Live» о жизни музыканта Батырхана Шукенова. Эти произведения показывают, что новому поколению писателей-документалистов не нужны громкие трагические события, чтобы показать эмоции, чувства, человеческие взаимоотношения, достаточно правильно оформить повествование и снабдить его достойным изобразительным сопровождением. Поэтому и мне не хочется описывать миллионы смертей и постоянное чувство голода, чтобы вызвать жалость и сочувствие. Мне хочется, чтобы у депортированных народов было свое место в истории, и чтобы их потомки уже ничего не боялись.

Зайтуна КДРАЛИНА

ЖУРАВЛИНЫЙ ПУТЬ БЕЛЬГЕРА

Семилетним мальчиком Герольд Бельгер попал вместе с семьей в казахский аул. Попал как спецпереселенец по сталинскому указу «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 года. Мальчик тогда не знал, что этот затерянный в глубине степей казахский аул на берегу Есиля станет для него родным, что в будущем он напишет более ста книг и будет думать и писать на трёх языках: русском, казахском и немецком. Не знал того, что здесь, в ауле, он чуть не погибнет от ужасной болезни, и ему придётся бороться за жизнь всем существом, всей силой духа, и он победит. Не мог он знать и того, что будет переводить самые известные романы с казахского языка на русский, а его самого, его книги будут любить не только казахи, немцы, русские, но и другие – все, кто соприкасался с его творчеством. Не знал, что похоронят его в 80-летнем возрасте на Кенсайском кладбище в Алматы, на горе, обдуваемой вольными ветрами Заилийского Алатау, а его фамилией назовут улицы в городах Казахстана, и в школах будут читать и обсуждать его книги.

Чем же так привлекает Г. К. Бельгер современных читателей? Почему о нём говорят на каждом углу: упоминают в политических дебатах, на тоях и торжественных собраниях, в школах, университетах и академиях? Взрослому поколению он известен острыми публикациями в газете «ДАТ» – в годы перестройки почти каждый казахстанец с нетерпением ждал очередного выпуска газеты с «Плетеньем чепухи» Бельгера, а детям – по рассказам «Волк, Чапа и другие. Рассказы о людских судьбах и братьях наших меньших». В этих рассказах глазами мальчика описан военный и послевоенный быт аула, из последних сил выживающего в годы Великой Отечественной войны. Выживающего, несмотря на голод, бескормицу, похоронки – «қара қағаз»¹. Тема жизни и смерти присутствует во многих рассказах писателя, но это не основная мелодия, а затаённый трагический фон. Никакого пафоса или лозунгов,

¹ Қара қағаз – чёрная бумага.

простая, в непрерывных трудах и заботах жизнь аулчан. Мир мальчика вообрал в себя воздух степного разнотравья, коров, овец, дворовых собак, земляничную поляну, речку, камыши, игры с босоногими друзьями-тамырами¹, «Прощание славянки» на аккордеоне, ласковую маму и строгого заботливого отца – фельдшера Карла Бельгера, объезжавшего и лечившего от болезней всю округу в те суровые годы. В рассказе «Волк» описано удивление человека перед таинством Смерти – удивление тому, что некогда мощный, здоровый, самый сильный пёс в ауле после мучительной болезни и смерти, окоченев, стал маленьким и бездыханным. Потрясает совершенно документальный конец рассказа: «Хозяин Волка был мой отец. А сыном, повисшим на костылях, был я. И происходило это в ауле на берегу Есиля в начале пятидесятих годов прошлого века».

Двенадцатилетний мальчик, прикованный болезнью «көкжөтел»² к постели, ночью случайно услышал в разговоре обеспокоенных родителей – der Tode – по-немецки «смерть». «В груди стало пусто. Будто жизнь вытекла из неё», – пишет Бельгер. И на рассвете мальчик решил встать и пойти на простор, ни за что не сдаваться смерти. Вместе с друзьями-тамырами он доковылял до южного склона оврага Терен-сай, где густо росла сочная краснобокая земляника. Солнце, ветерок, запах сладкой ягоды кружили голову, тёплая земля согревала. Всё пело, кричало о жизни. Но на обратном пути «слабость вновь ударила в колени», и мальчик понял, что не дойдёт до дома. Он подобрался, сжал кулачки, стиснул зубы, переждал боль в груди и неверной поступью пошёл вперёд. Мальчик выбрался из оврага, но силы его покинули. Ему показалось, будто исчезли все звуки вокруг, а сам он скользит в струях воздуха. Мальчик твёрдо решил бороться за жизнь до конца. И всё же на краю болота, на повороте к просёлочной дороге, он упал без сил. Тамыры испугались, побежали за отцом друга, и тот принёс на руках почти бездыханное тело домой. «И, кажется, именно тот случай, тот поход на земляничную поляну странным образом определил мою судьбу», – вспоминает Бельгер в гениальном рассказе «Земляника степная».

О скитаниях поволжских немцев, дамокловом мече судьбы – философский, трагический по высоте накала рассказ «Маленький король». Начинается он с того, что на Новый 1941 год шестилетний малыш Герольд продекламировал стишок «Маленький король», и родня пришла в бурный восторг и умиление. А летом грянул гром – началась война, скитания немцев, трудармия, гибель... Десятилетиями Бельгер не мог вспомнить тот новогодний стишок, мучительно перебирая в памяти слова «Kleiner König», и... ничего, кроме этих двух слов. И лишь через пятьдесят шесть лет, очутившись с инфарктом в реанимации, писатель вспомнил слова стихотворения. «Я почувствовал огромное облегчение, радость и одновременно опустошающую грусть, что поделиться тем ярким отблеском далёкого зарева, крохотным осколком невозвратного прошлого, в сущности, уже не с кем».

И тут мне приходит на память тюркская легенда о деде Коркуте – история акына, убегающего от смерти, но нигде не находящего приют. Смерть, как грозный рок, повсюду настигала Коркута, куда бы он ни сбегал от неё. Не есть ли это непознаваемый рок – вечная мелодия жизни человека – скитания, поиски счастья, грозно нависшая над человеком судьба? Тщетно и му-

¹ Тамыр – кровеносный сосуд, в переносном смысле – близкий друг, приятель.

² Көкжөтел – захлёбывающийся кашель.

чительно вспоминал Бельгер слова стиха, а когда вспомнил, никого из родни, восторгавшейся выступлением малыша, уже не осталось. Никого, кроме него, выросшего маленького короля.

Невозможно читать без слёз рассказ «В путь журавлей провожаю один я». Через год-два после войны в северный аул приехали с гастрольями лилипуты. Их поселили в медпункте, в доме фельдшера Карла Бельгера. Лилипуты попросили Герольда аккомпанировать им на аккордеоне во время выступления. Они выступали с танцами, разными акробатическими номерами, но что до слёз, до глубины души тронуло мальчика – это песня-баллада, которую в конце вечера исполнили лилипуты: «В путь журавлей провожаю один я».

«Это “один я”, – пишет Бельгер, – всколыхнуло и мою душу, потрясло меня, довело до спазмов сердца. Я уронил голову на аккордеон и с трудом сдерживал слёзы. Жалость пронзила всё моё существо. Мне стало жалко моих родителей, очутившихся на чужбине, оторванных от всего родного, вынужденных тихо и покорно пережидать чёрную полосу жизни в надежде, что когда-нибудь – особенно теперь, после войны – им разрешат вернуться на родину, на Волгу. Жалко стало себя, лишённого детства, больного, обречённого передвигаться на костылях. Жалко всех обездоленных и бесправных, высланных по чьей-то злой воле в захудалые казахские аулы неизвестно за какие прегрешения. Жалко аулчан, которых долгая война и неурожайные послевоенные года превратили в бишаринские¹ тени, лишённые всякой радости и удовольствий. Жалко этих крохотных людей – лилипутов, прибывших к нам неведомо из каких краёв и подобным образом добывающих хлеб насущный. Улетает, улетает вольный косяк журавлей, покидает родину, ищет своё счастье, свою долю, и провожают его обречённые на вечное одиночество.

– В путь журавлей провожа-а-ю-ю... Один я».

От этих горьких строк волны памяти переносят меня к образу моего репрессированного отца, который запрещал нам рассказывать анекдоты. Иногда, сидя за общим столом и слушая гостя, который с ним советовался о каком-либо деле, отец, поглядывая на открытую форточку, указывал гостю на определённый факт в рассказе и говорил: «Это провокация», надо поступить так-то и так-то. Отец любил людей, и в разговоре старался раскрыть потенциал человека, вдохновить его на изучение нового. Его любимым вопросом было: «Какие перспективы в этом виде деятельности?» Он был немногословен, и когда говорил что-либо, все смотрели ему в рот. После застолья с гостями отец любил играть на домбре, мандолине или пианино, импровизировал. И запрет анекдотов был осторожностью умного человека, прошедшего тяжелые жизненные испытания. Блестящий выпускник мехмата ЛГУ² и Высшей Военно-воздушной академии им. Можайского был репрессирован в 1944 году. Когда ремонтировал самолёты, он обмолвился, что немецкая «стальная птица» по техническим характеристикам лучше советской. За эту чисто инженерную фразу по анонимному доносу отца посадили на долгих восемь лет. Статья 58-я, политическая. Об этой фразе много позже, уже после смерти отца, мне рассказал его сотрудник. Отца не расстреляли, он работал в шараге³, кажется, начальником отдела. Реабилитировали его в 1967 году. В России он строил ТЭЦ, заводы, а в Алма-Ате работал главным специалистом отдела капитального строительства

¹ «Бишаринские» – от слова «бишара», т. е. бедняга, несчастный, беспомощный.

² ЛГУ – Ленинградский государственный университет, ныне – СПбГУ.

³ Шарага – закрытое научно-конструкторское заведение тюремного типа (прим. редактора).

в «Казсовнархозе», потом главным инженером треста «Средацветметремонт», «Казцветметремонт». Он ходил в Академию наук, изучал труды учёного Ванюкова и впервые в Казахстане, а практически и в Союзе, внедрил в производство плавку в жидкой ванне – метод очищения металлов (меди) в серной кислоте. Работал отец горячо, с энтузиазмом, никогда не говорил о политике и принципиально не вступал в коммунистическую партию, хотя в те времена многие шли в партию ради карьерного роста. Я помню его внутреннее напряжение и сосредоточенность, безумную работоспособность и ослепшую бабушку – его мать. Отец родом с Саратовской области, там же недалеко и Энгельс, где жили Бельгеры. Питерка, Гмелинка, Джанибек, Урда, Саратов – всё это родные места отца. Какими ветрами истории занесло их – Бельгера и отца в Саратовские земли? Предки Бельгера в 18 веке прибыли на берега Волги из Европы по приглашению Екатерины Второй, а предок отца Эльмухаммед, бывший советником хана Абулхаира, оказался здесь после кровопролитных сражений с джунгарами. Наверное, чистый воздух степей, мощная сила великой реки влияют на чистоту души человека. Уроженцы этих мест – и Герольд Бельгер, и отец мой были чистыми, вольными, высоко одухотворёнными людьми...

Моя аже ослепла после того, как в Алма-Ате погиб её старший сын Газиз, преподававший на рабфаке, а потом репрессировали отца. Бабушка пригласила на бешбармак местного КГБ-шника и спросила его о том, что будет дальше. КГБ-шник, наевшись, рассмеялся в лицо самой белокожей женщине совхоза и сказал, что как первого её сына расстреляли, так расстреляют и второго. Бабушка отошла к окну, из её голубых глаз безостановочно катились слёзы, так она и ослепла...

Вот этот «Зар» – вопль души, горький плач, я ощущаю почти во всех произведениях Бельгера. Герольд Карлович написал об этом в своём эссе «Аскар. Памяти друга» – о выдающемся казахском литераторе Аскаре Сулейменове. Месяца за три до своей кончины Аскар Сулейменов заказал Герольду Бельгеру эссе о себе для журнала «Парасат» и придумал ему казахское название «Зар». Бельгер пишет: «Я поразился этому заказу. Аскар задел самые потаённые мои струны. Это трагическая, незабываемая боль, о которой никому не расскажешь! Ибо не всем, далеко не всем дано понять... Я согласился. Договорились: страниц 12-13. На разворот. Написать к маю. А в мае Аскар покинул нас навсегда. И вряд ли я в оставшейся своей жизни решусь на такую исповедь. Так этот “Зар” и останется со мной».

Несмотря на этот тайный ЗАР, горькое рыдание души, и Герольд Карлович Бельгер, и отец мой, и многие светлые люди остались добрыми, мудрыми людьми, бесконечно ценящими жизнь, её прекрасные и трагические мелодии. Они сохранили жар любви ко всему живому, жар любви к жизни, земле, труду, к нам, своим потомкам. Они распространили свет жизни вокруг себя...

16 апреля 2024
г. Алматы

